

О ГЛАГОЛЬНОЙ ПОЛИПРЕФИКСАЦИИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию глагольной полипрефиксации на материале старославянского языка. В работе определяется семантическая (не грамматическая) сущность данного явления; рассматриваются инвентарь вторичных глагольных префиксов, характерных для данного языка, их семантические особенности. Также анализу подвергаются лексико-семантические группы старославянских многоприставочных глаголов (глаголы ментальной и речевой деятельности, эмоционального состояния, бытия и т.д.), выявляется их специфика, отмечается связь семантики многоприставочных единиц с общей тематической направленностью старославянских текстов.

Ключевые слова: глагольная полипрефиксация; вторичные префиксы; старославянский язык.

Славянская глагольная полипрефиксация является языковым явлением, вызывающим научный интерес в нескольких аспектах. Во-первых, полипрефиксация признается исследователями распространенным явлением, встречающимся в греческом, некоторых кельтских, германских, романских, иберийско-кавказских, африканских и североамериканских языках. Не являются исключением и славянские языки. Однако направленность полипрефиксации («лексическая», «грамматическая» или «лексико-грамматическая»), ее частные проявления не идентичны даже в рамках близкородственных языков. Это касается места полипрефиксации в системе слово- и формообразования глагола, функций вторичных приставок, механизма их присоединения к глаголу, количества морфем, участвующих в полипрефиксации. Многоприставочные единицы в целом отражают традиционную для современной лингвистики идею о наличии определенных общих зон смыслов у представителей разных культур и носителей разных языков, которые так или иначе выражаются в этих языках, однако способы и средства представления этих смыслов в том или ином языке, их языковая интерпретация колеблется от языка к языку. Так, сфера действия в разных языках представлена такими универсалиями, как пространственные критерии называемого действия, количественные характеристики самого действия и его результата, единичность-повторяемость действия и т.д., в то время как средства выражения указанных параметров действия (приставки, суффиксы, предлоги, послелого, лексические распространители) варьируются в пределах даже родственных языков. Подобная вариативность выражения компонентов глагольной семантики зависит от сложившихся в определенном языке и ставших для него традиционными моделей реализации тех или иных смыслов.

Во-вторых, явление полипрефиксации, позволяющее сочетать в одной глагольной единице семантические возможности глагольной основы и двух (реже трех) префиксов для обозначения действия, вполне отражает идею своеобразной экономии языковых усилий, при которой язык, относительно редко создающий новые типы знаков, активно использует те средства, которые уже функционируют в языковой системе и даже на данном языковом ярусе. Повторное использование в качестве средств словопроизводства префиксов позволяет типизированно, сжато вместить в многоприставочные глаголы содержание, которое иначе было бы выражено несколькими лексическими единицами (глаголом и наречием степени, образа и места действия). Таким образом, сформулированный еще И.А. Бодуэном де Куртенэ принцип экономии речи представляет собой постоянно действующую в языке тенденцию, в том

числе и в отношении полипрефиксации. Следует отметить, что принцип экономии речи применительно к исследуемому явлению нельзя абсолютизировать, так как он стимулирует развитие многоприставочных глаголов, но не является конкретной причиной их появления, формирования и развития. Так, полипрефиксация имеет целый ряд языковых причин, главной из которых является семантическое обогащение глагола, усиление, корректировка его значения, создание на базе исходной единицы целого ряда новых смыслов.

В-третьих, полипрефиксация вызывает научный интерес в связи с тем, что представляет собой не только современное, но и исторически развивающееся языковое явление, результаты которого зафиксированы на разных этапах развития славянских языков. Изменения в содержании полипрефиксации касаются смены инвентаря продуктивных вторичных префиксов, круга значений, которые они выражают, количества многоприставочных образований в языке. Для того чтобы проследить особенности данного процесса в его «славянском» проявлении, обратимся к анализу многоприставочных единиц в старославянском языке.

Наличие этого явления в старославянском языке, на наш взгляд, подтверждает сказанное выше. Обращение к анализу полипрефиксальных глаголов именно в этом языке мотивировано следующими причинами: генетическими связями старославянского языка с древнегреческим, в котором зафиксированы аналогичные образования; общими корнями с другими славянскими языками (в т.ч. с болгарским), в которых полипрефиксация представлена и в ранние периоды, и на современном этапе (рус. *понабить*, *приоткрыть*, *подзанять*; белорус. *наскідаць*, *спавіць*, *паздаваць*; пол. *pawymyślać*, *nazwozić*, *powzdychać*, *wydostać*; чеш. *zapošit*, *nadožadovat*, *napočítat se*, *odpočítat* и др.); общей тематической спецификой лексики данного языка.

Итак, при глагольной полипрефиксации важная для называющего информация, помимо заключенной в однопоставочном глаголе, оформляется в одну вербальную единицу путем присоединения вторичного префикса к однопоставочному глаголу. В дошедших до нас старославянских памятниках письменности чешский лингвист А. Достал выявил 53 многоприставочных глагола. Отметим, что, по утверждению исследователей славянской полипрефиксации, в IX–XI вв. в этих языках многоприставочных глаголов было значительно больше, чем можно судить по письменным источникам [1–4]. По мнению Л.И. Ройзензона [4], процесс полипрефиксации протекал ещё в праславянском языке, дальнейшее развитие этих единиц происходило уже на почве отдельных славянских языков с учетом специфики их префиксальной системы.

Процесс образования многоприставочных глаголов в славянских языках большинство исследователей связывают со складыванием категории вида. Одним из первых всеславянский характер полипрефиксации отметил Ф. Челаковский [1], который, как и многие исследователи после него, указал на зависимость полипрефиксации от видообразования. А. Достал при изучении многоприставочных глаголов в старославянском языке большую роль в развитии полипрефиксации отводит именно видовым факторам [4]. А. Белич на материале сербского языка рассматривает полипрефиксацию как одну из ступеней видообразования [5]. Л.И. Ройзензон придерживается точки зрения, по которой полипрефиксация и видообразование являются самостоятельными процессами, оказывающими друг на друга стимулирующее воздействие [4]. По мнению исследователя, процесс образования глаголов с несколькими приставками хронологически совпал с процессом становления глагольной категории вида [Там же]. Данная точка зрения, подтвержденная наблюдениями автора над подобными единицами во всех славянских языках, представляется нам вполне убедительной, тем более что данные о чистовидовом значении вторичных приставок не находят подтверждения на материале старославянского языка. Общей чертой глагольной полипрефиксации в славянских языках можно считать то, что она прежде всего представляет собой частный случай глагольной префиксации вообще, «вытекает» из нужд языка. Как показывает анализ многоприставочных глаголов, славянская полипрефиксация – явление преимущественно лексической, а не грамматической семантики (ср.: поставить – прѣдпоставити, приимати – възприимати и т.п.). Вторичные префиксы сохраняют за собой яркую лексическую семантику, специализируясь на выражении ряда определенных значений (начинательность, интенсивность, перспективность и т.д.), важных для передачи характеристик действия и актуальных для вторичной префиксации. Именно поэтому обратимся к семантической стороне вопроса, не останавливаясь далее на проблеме связи категории вида и полипрефиксации.

Материалом для наших наблюдений послужили глаголы, извлеченные из «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)» под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой [6]. В целом их число составило около 40 единиц (среди них глаголы с префиксами **възь-, за-, изь-, о-, по-, про-, прѣ-, прѣдь-, съ-, разь-**), не считая их грамматико-словообразовательных вариантов (например, проповѣдати – проповедовать, возвещать, провозглашать; проповѣдовати – проповедовать, возвещать; проповѣдѣти – проповедовать, проповедать). Как и во многих славянских языках, данные композиты неоднородны в формальном и семантическом отношении.

В старославянском языке можно выделить следующие структурные типы многоприставочных единиц. Это глаголы:

- с префиксом **възь-**: възавидѣти, възприимати;
- с префиксом **за-**: заповѣдати, запослушати;
- с префиксом **изь-**: исповѣдати;
- с префиксом **о-**: опослушати;
- с префиксом **по-**: повѣследовати, повѣпрашати;
- с префиксом **про-**: проповѣдати (-овати, -ѣти), проразумѣвати;

- с префиксом **прѣ-**: прѣвъсходити, прѣдолѣти и др.;
- с префиксом **прѣдь-**: прѣдьпоказати, прѣдьизводити (свидетельствовать), прѣдьпослати, прѣдьполагати;
- с префиксом **разь-**: распрострѣти;
- с префиксом **съ-**: съвъздвигнѣти (воскресить вместе с другими – гр. совместно), съвъкоупити, съвъскръснѣти, съпобрати (помочь в борьбе) [6].

Отметим, что указанные структурные типы крайне неоднородны в количественном отношении. Так, большее количество единиц выделяется среди глаголов с вторичными префиксами **съ-** (12), **прѣ-** (8), **прѣдь-** (5) и **възь-** (5). Остальные типы «заполнены» меньшим количеством единиц, однако, помимо глаголов с двумя префиксами, отмечаются и отглагольные существительные с вторичными префиксами: съвъкоупление (соединение, единство), съповѣдание (рассказ, повествование), възпоплъзение (отступление), заповѣдание (велеие, приказание), исповѣдь, исповѣдьникъ, проповѣдь и т.д.

Для сравнения приведем глаголы с вторичными приставками в древнерусском языке, выделяемые Л.И. Ройзензоном [7]. Это единицы с префиксами **у-, от-, на-, подь-, вы-, о-, за-, въ-, по-, при-, разь-, прѣ-, прѣдь-** (глаголы с двумя последними приставками рассматриваются как старославянские кальки): съпосадити, припогубити, позабавити и т.п. Как видим, инвентарь глагольных префиксов, выступающих в качестве вторичных, в старославянском и древнерусском языках в целом не совпадает. Обозначенные различия связаны с тем, что, несмотря на общий для славянских языков приставочный фонд, в каждой языковой системе имелись и имеются свои деривационно активные приставки, способные выступать в качестве вторичных, и свои предпочтения в выборе этих приставок при создании композит. Так, многоприставочные глаголы с префиксом **по-** не совсем характерны для старославянской полипрефиксации, однако данная приставка отмечалась как деривационно активная в древнерусском, старорусском и староукраинском языках [8], на современном этапе глаголы с вторичным префиксом **по-** продуктивны в русском, белорусском, болгарском, польском и других славянских языках.

Основной круг семантики, вносимой вторичными префиксами в старославянском языке, очерчивается следующими значениями.

Перспективность действия (глаголы с **прѣдь-**): прѣдьпоказати (заранее указать), прѣдьизводити (свидетельствовать), прѣдьполагати (предполагать). Данные единицы, называющие действие, совершенное наперед, заранее, связаны с семантикой так называемого «переднего времени», т.е. со значением «быть опереженным по отношению к чему-/кому-либо во времени» [9], они демонстрируют представление о времени через его уподобление пространству: то, что ожидает человека впереди и находится впереди, на переднем плане. Кроме того, подобные глаголы чрезвычайно показательны в отношении передачи смыслов, соотносимых с мыслью об указующем начале веры, предначертанности человеческой жизни, что отражается в старославянских текстах: ...прѣдьпоказавъше въсѣмъ якоже начрътании мжъ сихъ мжъства. Следует отметить, что аналогичные по семантике единицы представлены в древнегреческом языке глаголами с вторичным префиксом **προ-** в значении заранее совершенного дейст-

вия (предварительного действия): *προαναφρέω* (заранее уничтожать, губить), *προανακινέω* (заранее приводить в движение), *προεξάγω* (предварительно вытаскивать), *προελαγγέλλω* (заранее возвещать).

Превосходность действия (глаголы с **прѣ-**): *прѣвъсходити* (превосходить), *прѣоукрасити* (разукрасить), *прѣодолѣти* (преодолеть, победить), *прѣвъзвѣрѣти* (вскипеть). Одним из важнейших параметров действия является его количественная сторона, т.е. мера результата, полученного в период протекания действия, длительность и интенсивность данного действия. Если результат оказывается не соотносим с обычным результатом данного действия, то в сфере глагола это маркируется префиксами. Актуализируя степень совершения действия, обозначенного глаголом, префикс **прѣ-** указывает на рамки данного действия, представляет его соотносимым с другим действием, при этом акцент делается на трансформацию параметров действия с обычных на превосходящие, являющиеся показателем более высокого результата. Этот критерий представляется значимым не только в сфере глагола, но и в сфере имени. То же относится и к следующей группе единиц.

Интенсивность действия, связанная с множественностью субъектов либо объектов действия или тщательностью, длительностью действия (глаголы с **по-**): *поразоумѣти* (уразуметь, понять), *повъпрашати* (распросить). Параметры интенсивности действия связаны в этом случае с наличием не одного, а нескольких исполнителей действия, с несколькими или многими объектами. Взаимодействие семантики вторичной и первичной приставок приводит к их способности обозначать «сложное» действие с несколькими акцентами, при этом первичный префикс, как правило, указывает на завершенность действия, вторичная приставка маркирует то, что действие, названное глаголом, «подается порциями».

Начинательность действия, зачастую с оттенком усиленности и результативности (глаголы с **въз-**): *възавидѣти* (позавидовать), *възненавидѣти* (возненавидеть). Начало является важной характеристикой действия, однако указание на то, что с самого начала действие развивается стремительно (особенно в сфере чувства) требует дополнительного обозначения, в данном случае вторичной приставкой. Заметим, что префикс **възъ-** имеет первоначальное пространственное значение «направить действие вверх». В связи с этим следует отметить, что духовное начало человека традиционно выстраивается в вертикальной плоскости его бытия (что соответствует особенностям телесной организации самого человека), поскольку духовность формируют нравственные чувства, соотносимые с верхом человека, с его головой. В свою очередь, вертикальное положение человека, которое подчиняется закону тяготения, ассоциируется с идеей высоты. Поэтому усиление конкретного чувства, эмоции «растет», т.е. стремится вверх. Об этом свидетельствуют и одноприставочные глаголы с данным префиксом: *въскрѣшати* (воскрешать из мертвых = поднимать), *въскыснѣти* (закваситься (о тесте) = подняться), *въспитѣти* (воспитать, вскормить = поставить на ноги, дать возможность вырасти) и т.д.

Достижение результата, окончательность действия, завершенность (глаголы с **за-, изъ-, по-, про-, о-**): *запослушати* (свидетельствовать), *исповѣдати* (испове-

дать), *опровѣшати* (опрокинуть), *позавидѣти* (позавидовать), *проразумѣти* (познать). Семантика, вносимая данными префиксами, несомненно, имеет первостепенное значение в сфере обозначения и интерпретации действия, указанные значения находятся в поле видовых отношений и в современных славянских языках интерпретируются зачастую как частные значения совершенного вида. Однако утверждать, что вторичные приставки выполняют в приведенных глаголах (как и в преобладающем большинстве единиц) видовую функцию, по всей видимости, нельзя (ср.: *повѣдати* (завершенность действия) – *исповѣдати* (завершенность действия) и т.п.).

Совместность, взаимность действия (глаголы с **съ-**): *съвъздвигнѣти* (воскресить вместе с другими – гр. совместно), *съвъкупити* (соединить, собрать вместе, воедино), *съпобрати* (помочь в борьбе), *съпогresti* (похоронить вместе с кем-либо), *съпожити* (пожить вместе с кем-либо), *съпрѣбывати* (быть, оставаться с кем-либо), *съвъскрѣснѣти* (воскреснуть одновременно с другими, гр. эквивалента не имеет, в отличие от подобных единиц). Идея соборности, тесной связи человека с Богом, веры в него и единения с ним в данном случае маркируется на словообразовательном уровне. Кроме того, указанные единицы представляют особый интерес, так как в данном случае уместно предположить, что единицы с префиксом **съ-** калькированы в старославянский язык из древнегреческого языка, в котором функционировали многочисленные глаголы с вторичным префиксом **συν-** в значении одновременно действия: *συκαβίημι* (одновременно опускать, складывать), *συκαταβύησκω* (умирать одновременно), *συμπαράγω* (вести вдоль одновременно), *συναποδίδωμι* (одновременно передавать) и др. Близки по семантике вторичного префикса (в силу смежности обозначаемых признаков действия) приведенным единицам полипрефиксальные глаголы совместного действия, соучастия с тем же вторичным префиксом **συν-**: *συκαταβίωω* (жить вместе), *συκαταγυράσκω* (вместе доживать до старости), *συνανάκειμαι* (вместе возлежать за столом) и др.

Следует отметить, что в значении взаимного действия, общения (близкого по значению «соучастию») в русском языке выступают глаголы с вторичной приставкой **с-/со-** (сопереживать, сопровождать), однако многоприставочных глаголов с префиксом в таком значении в русском языке отмечается незначительное количество. Интересен и тот факт, что в славянских языках различают префиксы **с-/со-** и **с-** [10]. Первый префикс со значением соединения объектов, их схождения, сближения в одну точку характерен для многоприставочных образований как старославянского, так и древнерусского и современного русского языков. Второй префикс, выполняющий усиительную функцию, отмечается в фольклоре, а также в некоторых русских и белорусских говорах (спожениться, спроведать, спокаяться и т.д.). Для старославянских многоприставочных глаголов он, по всей видимости, не характерен.

Пространственные характеристики действия (отдельные глаголы с префиксами **прѣдъ-, разъ-**): *прѣдъпоставити* (подать (о еде), поставить вперед, впереди), *прѣдъпослати* (послать вперед), *распрострѣти* (распространить в разные стороны). Данные единицы вызывают особый исследовательский интерес, так как для славянских языков не характерно использование

вторичных префиксов в пространственном значении, такой семантический запрет объясняется тем, что пространственные приставки характеризуются особой спаянностью с глагольной основой, близостью к ней. Присоединение подобного префикса принципиально меняет содержание глагола, а не частично модифицирует его, как в случае вторичной префиксации. Старославянские глаголы с вторичной пространственной приставкой являются исключением, которое, на наш взгляд, объяснимо возможным влиянием древнегреческих моделей многоприставочных глаголов, актуализирующих пространственные ориентиры действия (снизу, сверху, рядом, изнутри, вне, вокруг и т.д.) и насчитывающих значительное количество композит, образованных по подобным моделям.

При сравнении старославянских многоприставочных композит с древнерусскими отмечаются расхождения в семантике вторичных префиксов. Так, для древнерусского языка практически не характерны пространственные значения вторичных приставок, в нем отмечаются значения смягчительности действия, распределительности, в большей степени представлены глаголы с начинательным значением префиксов [7]. В современном русском языке данные значения дополняются накопительностью, чрезмерностью действия и некоторыми другими. Отметим, что в современных славянских языках произошла дифференциация в семантике первичных и вторичных префиксов: пространственные значения передаются первичными префиксами, более близкими корневой морфеме, в то время как для вторичных префиксов оказываются актуальными значения количественных, фазовых параметров действия.

Таким образом, сфера смыслов, актуальных для полипрефиксации в старославянском языке, ограничивается определением способа совершаемости действия (совместность, перспективность) и уточнением его критериев (начинательность, интенсивность, превосходность, завершенность). В целом вторичные префиксы обнаруживают те же значения, что и первичные, хотя их различная функциональная природа диктует ряд специфических особенностей, одной из которых является количественная и качественная ограниченность значений, реализующихся при вторичной префиксации по сравнению с первичной. Еще одним отличием монопрефиксации от полипрефиксации является способность последней формировать сложные актионсартные значения глагола, которые возникают за счёт тесного взаимодействия первичного и вторичного префиксов с глагольной основой. Например, глагол *съвѣдѣти* содержит указание на само действие, его законченность и на то, что оно совершено совместно несколькими, многими субъектами.

Особый интерес при анализе старославянских многоприставочных композит вызывают лексические особенности этих глаголов. Как показывает проведенный анализ, старославянские полипрефиксальные единицы представлены глаголами следующих лексико-семантических групп.

Глаголы интеллектуальной деятельности:

- восприятия – *въсприимати* (воспринимать, принимать);
- понимания – *поразумѣти* (понять), *поразумѣвати* (познавать, постигать);

- сравнения – *съподобити* (удостоить, признать достойным), *прѣвѣсходити* (превосходить);
- решения – *въразоумити* (вразумить);
- воображения – *прѣдѣлагати* (предполагать, предлагать).

Глаголы речевой деятельности:

- сообщения – *засѣдѣтельствовати* (свидетельствовать), *запослоушати* (свидетельствовать), *опослоушати* (свидетельствовать), *съповѣдати* (рассказать, поведать, сообщить), *съповѣдѣти* (рассказать, поведать, сообщить), *съповѣдовати* (рассказывать, сообщать);
- речевого воздействия – *заповѣдати* (приказывать, велеть), *заповѣдѣти* (приказать, велеть), *проповѣдовати*, *проповѣдати* (проповедовать, провозглашать, возвещать), *проповѣдѣти* (проповедать, провозглашать), а также *проповѣдь*, *проповѣдатель*;
- речевого общения – *съвыпрашати* (рассуждать с собеседником), *прѣдѣпоказати* (заранее указать), *исповѣдовати*, *исповѣдати* (исповедовать, признавать), *исповѣдѣти* (признать, исповедовать), а также отглагольные единицы *исповѣдь*, *исповѣдник*, *исповѣдание*.

Глаголы эмоционального состояния:

- пребывания в эмоциональном состоянии/перехода в эмоциональное состояние: *позавидѣти* (позавидовать), *възавидѣти* (позавидовать), *възненавидѣти* (возненавидеть), *прѣвъзвѣрѣти* (вскипеть).

Глаголы социальной деятельности:

- поведения, поступка – *съпобрати* (помочь в беде);
- противодействия – *прѣдолѣти* (преодолеть).

Глаголы бытия:

- существования – *съпрѣбывати* (быть, оставаться с кем-либо), *съпожити* (пожить вместе с кем-либо);
- начала существования – *съвъскръснѣти* (воскреснуть одновременно с другими).

Глаголы физического действия:

- воздействия – *съвъкоупити* (соединить), *съвъсхитити* (похитить), *съвъставити* (восстановить), *съпогresti* (похоронить вместе с кем-либо), *прѣдѣпослати* (послать вперед);
- перемещения – *повѣслѣдовати* (последовать), *прѣдѣпоставити* (поставить перед (о еде), подать вперед), а также *въспоплзение* (отступление) и т.д.

Как видим, тематический охват рассмотренных глаголов не отличается особой широтой. Отнесение этих единиц к лексико-семантическим группам вскрыло их следующую особенность: среди старославянских многоприставочных композит преобладающее большинство глаголов называет действия интеллектуально-психической сферы жизнедеятельности человека. Представляется интересным незначительное количество глаголов физического действия, практически отсутствие глаголов движения, что, как правило, не характерно для глагольной лексики, специализирующейся прежде всего на передаче фрагментов динамической действительности. Стоит отметить, что, как утверждает Т.И. Вендина, в исследованиях по реконструкции языкового сознания «носителя» старославянского языка, физическая сторона жизни мало интересовала средневекового человека [11]. По мнению А. Достала, на старославянский язык «были переведены тексты, очень важные для своего времени» (Цит. по: [12. С. 254]), которые несли на себе печать христианского духа и «задумывались для создания большой славянской ли-

тературы» (Цит. по: [12. С. 254]). В таком случае естественно предположить, что и в сфере действия значимыми оказываются проблемы духовной жизни человека, вопросы веры и других жизненных ценностей.

Опираясь на данные лингвостатистического анализа многоприставочных глаголов славянских языков, Л.И. Ройзензон приходит к выводу, что в сферу активной полипрефиксации попадают глаголы, часто встречающиеся в речевом потоке, т.е. наиболее частотные. Для большинства славянских языков в качестве подобных единиц выступают глаголы движения, действия [4]. Это подтверждает анализ русских многоприставочных глаголов. Строгих ограничений для участия в процессе полипрефиксации у глаголов той или иной лексико-семантической группы нет. Чаще других среди полипрефиксальных образований в славянских языках (в том числе и в русском) встречаются глаголы движения, перемещения, действия, в том числе конкретные физические действия (реже отдельные ментальные глаголы, глаголы звучания, говорения, поведения). Отметим, что семантическое содержание именно этих глаголов легко подвергается количественно-временной модификации, что обычно и происходит при вторичной префиксации. Однако, как уже отмечалось, глаголы физического действия реже попадают в сферу старославянской полипрефиксации, наиболее многочисленными среди рассмотренных единиц оказываются **глаголы речи**, при этом акцент в них делается не на внешних проявлениях речевой деятельности, а на ее направленности, целеположенности, способности влиять на человека. Слово должно направлять, указывать, лечить, быть источником общения с Богом.

В меньшей степени представлены **глаголы интеллектуальной деятельности**, они тесным образом связаны с предыдущей группой, в силу того что содержательно находятся в отношениях пересечения. Вызывает интерес и то, что немногочисленные глаголы физического действия несут на себе печать соборности: средневековый человек должен делать и делает что-либо совместно. Здесь надо заметить, что указание на совместность совершения действий вносит именно вторичный префикс, тем самым заставляя совершенно по-новому осмыслять содержание глагола: съпозити (по-

жить вместе), съвъздвигнѣти (воскресить вместе с другими), съвъскръснѣти (воскреснуть одновременно с другими).

По всей видимости, именно единицы отмеченных групп потребовали для окончательного семантического оформления глагола присоединения вторичного префикса. Исследовательское внимание Т.И. Вендиной к производному слову, его мотивационным связям привело ее к выводу о национально-культурной специфике, проявляющейся в словообразовательных средствах старославянского языка [11]. Это можно легко спроецировать на процесс полипрефиксации, направленный на дополнительное смысловое уточнение именно того действия, которое представляется выделенным, избранным «потребностью человека в означивании этого объекта» [13. С. 61], в отношении именно тех его параметров, которые оказываются значимыми в данном языке, в данной культуре для «актуализации тех признаков, по которым происходит название реалий этого мира» [Там же. С. 61–62].

Заключая сказанное, отметим, что проведенный анализ многоприставочных глаголов позволяет сделать вывод о сложности и неоднозначности старославянской полипрефиксации, которая является не механической редупликацией приставок и не грамматическим процессом придания глаголу значения совершенности действия. Как объект исследования образование глаголов с вторичными префиксами представляет собой проблемную зону, в которой тесно переплелись вопросы глагольной деривации и категории вида; места полипрефиксации в системе глаголообразования; исконности и калькированности отдельных единиц и целых групп глаголов; сходства и различия старославянских полипрефиксальных единиц по отношению к единицам других близкородственных языков; преемственности старославянских композит в современных славянских языковых системах. Кроме того, рассматриваемые единицы являются не только средством номинации, но и средством интерпретации действий, составляющих (наряду с действиями, обозначенными другими глаголами) круг деятельности средневекового человека в целом, в этом нам видится их яркая этноспецифика, заслуживающая исследовательского внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Čelakovský F. Čtení o srovnávací mluvnici slovanské. Praha, 1853.
2. Венедиктов Г.К. К вопросу о глаголах с двумя приставками в современном болгарском языке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. науки. 1955. Вып. 21. № 180. С. 172–187.
3. Лекон И. Общность и многообразие в грамматическом строении на славянских языках. София, 1958. С. 57.
4. Ройзензон Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1970. 104 с.
5. Белич А. О славянском глагольном виде // Вопросы глагольного вида. М. : Изд-во Ин. лит., 1962. С. 213–217.
6. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой ; 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999. 842 с.
7. Ройзензон Л.И. Материалы к изучению многоприставочных глаголов древнерусского языка (вторичные приставки У-, ОТЪ-, НА-, ПОДЪ-, ВЫ-, О-, ЗА-, ВЪ-) // Краткие сообщения по русскому языку и литературе. Самарканд, 1967. Ч. 2. С. 1–13.
8. Ройзензон Л.И. Глаголы с вторичной приставкой ПО- в староукраинском языке 16–18 ст. // Труды Узбек. гос. ун-та им. А. Навои : сб. ст. по языкознанию. Новая сер. 1959. № 95. С. 121–135.
9. Шелякин М.А. О значениях приставки *пред-* в русском языке // Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского / под ред. Н.А. Козинцевой. СПб. : Наука, 1998. С. 230–234.
10. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.
11. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
12. Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 254–287.
13. Вендина Т.И. Признак и его культурно-историческая мотивация в старославянском языке (субъектные номинации) // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2002. С. 61–70.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 сентября 2011 г.